

Олег Северюхин

Серебряный монах

Необъяснимые факты прошедшей войны

Олег Северюхин

**Серебряный монах.
Необъяснимые факты
прошедшей войны**

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

Серебряный монах. Необъяснимые факты прошедшей войны /
О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741433-7

В сборник необъяснимых фактов отечественной войны включены новеллы «Серебряный монах» как пародия на фильм Карена Шахназарова «Белый тигр», «Смерть приходит на рассвете» о возможной встрече Сталина и Гитлера в 1942 году, «Проклятие рода» о синдроме Тараса Бульбы, «1941, июнь» об альтернативном развитии истории и юмористическая миниатюра «Наши пришли!»

ISBN 978-5-44-741433-7

© Северюхин О. В.

© Издательские решения

Содержание

Серебряный монах	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	25
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Серебряный монах

Необъяснимые факты прошедшей войны

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-1433-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серебряный монах

Пародия на отмеченный многими наградами фильм «Белый тигр» режиссера Карена Шахназарова

Пролог

Шамбала.

Полутемное помещение, освещенное факелом. При внимательном осмотре видно, что это огромная пещера. На обтесанном камне сидит молодой человек в халате, держа в зубах деревянное сито для просеивания муки.

Буддистский монах, распевая что-то протяжное и заунывное, стукает двумя палочками по стенкам сита. Через какое-то время лицо молодого человека исчезло, а вместо него осталось черное пятно. Человек исчез и сам, только черные пятна показывали, что в конце рукавов рубашки есть невидимые руки. Монах взял сито в руки и посмотрел сквозь него на человека. Лицо видно. Убрал сито – лица не видно.

– Ты готов к великим свершениям, иди и служи своему фюреру, – сказал монах.

Темная фигура завела рукав халата за спину и в невидимой руке появился серебряный пистолет «Вальтер». Изумленный монах укоризненно покачал головой.

– Прости меня, учитель, – сказала фигура, – но мы не можем допустить, чтобы твои знания попали к нашим врагам.

Раздались три выстрела и монах упал.

Вдруг ветер пронесся по пещере, сильно колыхнув пламя факелов, и темная фигура исчезла.

Глава 1

1943 год. Атака советских войск на укрепленный пункт фашистов. Впереди наступающих солдат бегут офицеры с пистолетами в руках. В полуразрушенных артиллерийским огнем окопах появляются немецкие солдаты, восстанавливая разрушенную систему огня. Порыв советских солдат остановить нечем. Единственный выход – драться до последнего, чтобы не быть застреленным в спину во время бегства от противника.

Внезапно позади немецких траншей появился офицер в полевой эсэсовской форме с блестящим пистолетом «Вальтер» в руке. Не обращая внимания на стрельбу, он пошел навстречу атакующим, хладнокровно расстреливая бегущих советских офицеров. Те из сержантов, кто принимал командование на себя, тут же падал сраженный пулей из пистолета.

Оставшись без командования, советские солдаты замедлили темп наступления, кто-то залег и стал тут же окапываться, а часть солдат начала пятиться назад, подхватив на руки убитых командиров. Советская атака захлебнулась.

Эсэсовский офицер повернулся и пошел в сторону своих окопов, положив пистолет в кобуру. На него с изумлением смотрели немецкие солдаты и офицеры, не видя его лица под большим козырьком кепи и видя только погоны лейтенанта. Перепрыгнув через окоп и пройдя метров десять, лейтенант исчез.

На командном пункте стрелкового батальона рядовой боец разговаривает по телефону с командиром полка.

- Срочно ко мне командира батальона, – кричит в трубку полковник.
- Нету его, – отвечает находящийся в прострации солдат.
- Где он? – слышится громкий голос в трубке.
- Убитый он, – говорит солдат.
- Срочно к телефону кого-нибудь из офицеров, – слышится приказ по телефону.
- А нету никого, – говорит солдат.
- Да где же они все? – надрывается телефон.
- А все убиты, – бесстрастно говорит солдат.
- Давай кого-нибудь из сержантов, – командует голос.
- И сержантов нету, – говорит солдат.
- Что, тоже все убиты? – грозно рычит полковник.
- Все убиты, – говорит солдат и бросает трубку.

На командном пункте полка.

Командир полка смотрит на замолкший телефон и говорит своему заместителю:

– Бери с собой особыста, взвод автоматчиков из пополнения и бегом в батальон Иванченко. Что-то там неладное. Атака у них захлебнулась и весь полк остановился. Гони их вперед.

Майор вместе с сотрудником Особого отдела во главе взвода молодых солдат из только что прибывшей маршевой роты бегут в батальон.

Увидев офицеров, солдаты отступившего батальона успокоились и стали наперебой говорить, что у немцев есть какой-то призрак в форме офицера, которого не берут пули и который как в тире расстрелял всех офицеров батальона, а в младшего лейтенанта Метелкина он стрелял раз двадцать, все никак не мог попасть в сердце.

- Неужели никто не мог попасть в этого призрака? – допытывался майор.
- Не попадали, – чуть ли не хором говорили солдаты, – вот он почти что рядом, а стреляем в него и пули будто сквозь проходят.
- Ладно, – оборвал их майор, – у страха глаза велики, а руки трясутся. Пока я вступаю в командование батальоном.

Вскоре прибывает автомашина за убитыми офицерами. При погрузке убитых один из них вдруг застонал.

– Смотри-ка, живой, – сказал один санитар. – Товарищ майор, один живой оказался.

– Кто такой? – спрашивает майор.

– Младший лейтенант Метелкин, – отвечает санитар.

– Везите его в госпиталь, – махнул рукой майор, – все равно он не жилец, но раненых положено оставлять докторам.

Убитых офицеров похоронили на поле в районе командного пункта полка, а младшего лейтенанта Метелкина отправили в госпиталь на той же машине.

– Вы бы его хоть перевязали, – укоризненно сказал командир полка, только что вернувшись на командный пункт.

– Нельзя его перевязывать, – сказал военфельдшер с погонами старшины, – кровь спеклась и закрыла раны, а в него пуль двадцать попало, вон весь в дырах. Если до госпиталя довезем, то врачи все сделают, что нужно.

Метелкина в сопровождении фельдшера вместе с легкоранеными на той же автомашине везут в госпиталь.

Операционная. Идет операция.

– Надо же, – говорит хирург, – изрешечен как дуршлаг, а все жив. И все потому, коллеги, что не задет ни один жизненно важный орган. Вернее, задеты, но не сильно, а вот выживет ли, это вопрос и вопрос большой. Все ранения сквозные, кости не задеты, а вот и пулька нашлась. И пулька белая, не хромированная, а как будто серебряная.

– Что вы, Павел Иванович, – сказал ассистент, – серебряные пули бывают только в детективах, когда охотятся на оборотней или на вампиров. Да и, кроме того, серебро является антисептиком, раны обеззараживает.

– Ага, вот и вторая пулька, – сказал хирург, бросая кусочек металла в эмалированную чашку, – и эта такая же. А вот и третья. Больше, похоже, нет. Будем лейтенанта отправлять в тыловой госпиталь, пусть там на рентгене посмотрят. Кстати, взгляните сюда. Впервые вижу человека с ртутным синдромом внутренних органов.

– Что это за синдром, – удивился ассистент, – впервые о таком слышу.

– Это вы, батенька, получили современное образование, – усмехнулся хирург, – а нас учили профессора, пользовавшиеся мировым медицинским опытом и рассказывавшие нам обо всем, что когда-то было. Ртутный синдром проявляется в перетекании внутреннего органа в сторону от места приложения силы. Смотрите сюда. Я нажимаю на почку, и она перетекает в сторону. Видели это когда-то? Нет. И я не видел. Говорят, что таких больных практически невозможно пропальпировать¹, органы ускользают.

Ассистент с удивлением ткнул пальцем в разрезанном животе в какой-то орган, и он как ртуть перетек в сторону.

– Интересно, – сказал с восхищением ассистент, – на этом больном можно сразу докторскую аттестацию защитить.

– Защишишь, если жив останешься, – сказал хирург, – зашивайте его и давайте следующего раненого.

Тыловой госпиталь. Заседание военно-врачебной комиссии. Перед комиссией в одних трусах стоит младший лейтенант Метелкин. Врачи всей группой осматривают его раны.

– Это практически невозможно, – говорит пожилой врач с большими усами, – за две недели не излечиваются люди с двадцатью двумя огнестрельными ранениями.

¹ Метод медицинского ручного обследования больного, основана на осязательном ощущении, возникающем при движении и давлении пальцев или ладони ощупывающей руки для определения свойств тканей и органов: их положения, величины, формы, консистенции, подвижности, топографического соотношения, а также болезненности исследуемого органа.

— Это если простыми пулями, товарищ генерал, — говорит один из врачей, — а вот серебряные пули вообще чудеса делают. Есть международная конвенция, которая запретила разрывные пули, сейчас нужна конвенция, которая бы обязала воюющие стороны применять только серебряные пули.

— Вы что, предлагаете и в фашистов стрелять серебряными пулями? — вкрадчиво спросил какой-то маленький человечек с крысиной внешностью. — Вы что, думаете, что товарищ Сталин будет расходовать на фашистскую мразь тот металл, из которого делают ордена за храбрость?

— Не кипятитесь, майор, — примирительно сказал медицинский генерал Бурденко², — речь идет всего лишь о том, что одной из причин быстрого излечения младшего лейтенанта являются серебряные пули. Ну, и сильный, русский организм.

— Да вы знаете, что есть указание держать в секрете информацию об этих серебряных пулях? — не унимался майор.

— Знаем, знаем, голубчик, — пробасил генерал, — здесь собралась комиссия, которая должна доложить в высшие сферы об этом феномене и не вздумайте влиять на принятие решения по этому вопросу, а не то вам не поздоровится, кем бы вы ни были под медицинским халатом. Этот лейтенант нужен нам живым в институте для изучения свойств его внутренних органов, которые ведут себя не так, как у всех.

— А как они ведут себя эти органы? — начал допытываться майор с крысиной мордочкой. — Вдруг они напичканы антисоветчиной.

Махнув на майора рукой, генерал сказал:

— Предлагаю младшего лейтенанта Метелкина перевести в команду выздоравливающих и подготовьте отношение в организационно-мобилизационное управление фронта о его переводе во вспомогательный состав института медицины в городе Куйбышеве. Это золотой фонд нашей медицинской науки. Не только медицинской, а вообще науки.

И профессор торжествующе поднял вверх указательный палец.

² Николай Нилович Бурденко (1876—1946) — русский и советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник российской нейрохирургии, главный хирург Красной Армии в 1937—1946 годы, академик АН СССР (1939 год), академик и первый президент АМН СССР (1944—1946), Герой Социалистического Труда (1943 год), генерал-полковник медицинской службы, участник русско-японской, Первой мировой, советско-финской и Великой Отечественной войн, лауреат Сталинской премии (1941). Член ВЦИК 16-го созыва. Член ВКП (б) с 1939 года. Депутат Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов. Почётный член Лондонского королевского общества хирургов и Парижской академии хирургии. Председатель Советской комиссии, фальсифицировавшей Катынский расстрел польских граждан. Умер своей смертью.

Глава 2

Командный пункт полка.

– Ну, что, товарищи командиры, будем делать? – спросил командир полка. – Что вы там понаписали в свои органы? – обратился он к замполиту и сотруднику Особого отдела.

– Я правду написал, – живо откликнулся замполит. – Все как есть, что атака захлебнулась из-за меткого огня снайперов противника, подстреливших весь командный состав батальона. Прошу помочь с комплектованием батальона подготовленными офицерами.

– У меня тоже самое, – буркнул особист.

– А вы не думаете, что солдатское радио разнесло всю правду по всему фронту, – сказал командир полка, – а нас с вами отдадут под суд как укрывателей стратегической информации?

– Нас в дурдом отправят, – буркнул особист, – а замполита вообще из партии вычистят, то есть из жизни вычеркнут за связь с потусторонними силами.

– Хрен с ним, – твердо сказал командир, – дальше передовой не пошлют. Переписывайте донесения, так как я сейчас буду докладывать командиру дивизии все так, как оно случилось. Семь бед – один ответ, – и он пошел к стоящему на столе телефону.

– Соедини первого, – приказал он телефонисту.

– Первый на связи, – сержант протянул трубку полковнику.

– Товарищ первый, докладываю о чрезвычайном происшествии на участке полка, – торжественно начал он докладывать. – Во время вчерашней атаки перед фронтом батальона Иванченко с немецкой стороны появился эсэсовский офицер с серебряным пистолетом и стал почти в упор расстреливать наших офицеров. Все офицеры и сержанты, принимавшие на себя командование, были убиты серебряными пулями. Выжил только лейтенант Метелкин, в которого немец стрелял раз двадцать. Попытки уничтожить немецкого пистолетчика результатов не имели. Он исчез в немецком расположении так же внезапно, как и появился. Информация о данном случае докладывается письменно по линии политического Особого отделов.

– Вы понимаете, что вы говорите? – зарокотала трубка голосом командира дивизии. – Вы что, перепились там все. Да я вас отстраню от командования и поставлю на ваше место вменяемого командира. Где ваш заместитель?

– Принял на себя батальон Иванченко, товарищ Первый, – доложил командир полка, – по одному офицеру взял из других подразделений, нескольких сержантов временно назначил на должности командиров взводов.

– Ты хоть понимаешь, что ты докладываешь? – спросил генерал. – Ты не думаешь, что меня за такой же доклад могут снять с должности так же, как я хотел снять тебя?

– А что делать, товарищ генерал, – устало сказал полковник, – как бы солдатская мольва не обогнала нас, тогда и спросят по полному счету, а мы на поле боя не нашли ни одной серебряной гильзы, люди себе расхватали в качестве талисманов и ведь никому не отдаут.

– Так, значит, – сказал генерал, – информация эта секретная, никому ее не рассказывать, разговоры об эсэсовце пресекать, а я буду думать, как доложить наверх.

В этот же день информация дошла до самого верха, и при каждом докладе вышестоящий начальник выражал сомнение в нормальности докладывавшего, а затем сам думал о том, как бы половине доложить еще выше.

Конечная информация застряла на уровне Генштаба и министерства внутренних дел и представляла собой доклад о том, что на немецкой стороне появился снайпер, стреляющий серебряными пулями и только по офицерам.

— Чего все всполошились? — удивился генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия³. — Американцы убили мексиканского полковника Панчо Вилья золотой пулей. Ну и что? Если хотите, то в войсках НКВД найду хорошего снайпера, который и подстрелит вашего серебряного специалиста.

В этот же день было отдано указание о подготовке двух снайперов для уничтожения немецкого аса.

Дальний Восток.

— Сержант Улусов, — скомандовал начальник Дальневосточной пограничной заставы.

Я! — откликнулся сержант.

— Командируетесь в действующую армию для охоты за немецкими снайперами, — сообщил начальник заставы.

— Есть пойти на охоту, — заулыбался сержант, в чертах лица которого можно было узнать представителя одного из многочисленных народов Севера, промышлявших пушнину и вообще живших в таких условиях, в которых нормальные люди погибают.

Недавно освобожденные от оккупации советские районы.

— Младший сержант Копейкин, — скомандовал командир роты отдельного полка по охране тыловых рубежей действующей армии.

Я! — откликнулся младший сержант.

— Командируетесь в действующую армию для охоты за немецкими снайперами, — сообщил командир роты.

— Есть на охоту, — сказа сержант и поправил на ремне десятизарядную и самозарядную винтовку системы Токарева.

Главное политическое управление Красной Армии. За столом для совещаний три генерал лейтенанта. Члены Военного Совета Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Во главе стола гражданский человек по фамилии Щербаков⁴ в полувоенном кителе маоцзэдуновского типа с отложным воротничком.

— Товарищи, — сказал Щербаков, — по некоторым данным, поступающим из передовых частей, среди наших военнослужащих наблюдается боязнь немецких снайперов и сочиняются небылицы о том, что немцы стреляют серебряными пулями для того, чтобы убить в советском человеке коммунистический дух и преданность нашему любимому вождю и учителю товарищу Сталину. Необходимо развернуть работу по поощрению наших снайперов и постоянно сообщать в боевых листках и политинформациях агитаторов о количестве немцев, уничтоженных нашими снайперами. И не жалейте наград снайперам. Каждый орден на груди — это как постоянное напоминание о том, что наш солдат самый преданный и самый лучший.

³ Лаврентий Павлович Берия, Лавренти Павлес дзе Бериа, 1899—1953 — советский государственный и политический деятель, Генеральный комиссар госбезопасности (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943). Расстрелян в 1953 году по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти.

⁴ Александр Сергеевич Щербаков (1901—1945) — советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943). С 1941 года возглавлял Московскую партийную организацию. Начальник Совинформбюро с его образованием 24 июля 1941 года, в июле 1942 года стал одновременно начальником Главного политуправления Красной Армии. В 1943—1945 гг. также был заведующим отделом международной информации ЦК ВКП (б). Умер в ночь с 9 на 10 мая 1945 года от обширного инфаркта.

Глава 3

Управление контрразведки «СМЕРШ» фронта. Идет допрос немецкого военнопленного в звании майора.

– Слышали ли вы об эсэсовском офицере, стреляющем из серебряного пистолета «Walther» серебряными пулями? – спрашивает майор из контрразведки.

– Это очень секретная информация, – и пленный майор стал оглядываться по сторонам, как бы разыскивая того, кто мог его подслушать.

– Вы чего-то боитесь? – спросил советский майор.

– Да, они могут быть везде, – испуганно сказал военнопленный.

– Кто они? – не понял контрразведчик.

– Они, Аненербе, – неопределенно махнул рукой майор в сторону и замолк, глядя на одну точку в углу.

– Никак спятил, – подумал контрразведчик, но продолжил допрос. – Так кто же стреляет серебряными пулями? – спросил он.

– Это чудо-оружие нашего фюрера, – сказал внезапно успокоившийся майор. – Он стреляет по нашим и по вашим.

– Как это по вашим и нашим? – не понял смершевец.

– Он стреляет наших офицеров, если те отводят свои подразделения без приказа, – сказал майор.

– Кто им командует? – спросил офицер, быстро записывая вопрос в протоколе.

– Не знаю, – ответил военнопленный.

– Где он живет? – спросил контрразведчик.

– Не знаю, – как-то равнодушно произнес майор, – ничего не знаю. По нормам довольствия нет серебряных патронов. И ничего нельзя сделать в полной тайне, всегда есть много людей, которые что-то и где-то видели. И никто из наших офицеров так и не узнал об этом лейтенанте. Кто-то сказал, что он приходит из загробного мира и уходит туда.

– Привидение что ли? – смершевец снова засомневался в том, в своем ли уме сидящий перед ним майор.

– Может и привидение, – устало ответил майор.

– А что такое Аненербе? – спросил смершевец.

– Это кунсткамера Гиммлера, – сказал майор, – туда собирают все самое таинственное.

Вызванный автоматчик увел военнопленного.

– Ерунда какая-то, – подумал контрразведчик, – чудес на свете не бывает. Бога нет. Человека создала природа из обезьяны. Религия – опиум для народа, а привидения – это сказки бабок непослушным внукам, которые спать не хотят.

Ночь. Комната смершевца. Громкий стук в дверь. С пистолетом в руке офицер подходит к двери.

– Кто там? – спрашивает контрразведчик.

– Товарищ майор, это я, посыльный, – доносится голос из-за двери. – Вас срочно в штаб вызывают. Офицер пленный в камере повесился.

Помещение для содержания задержанных. На веревке висит пленный майор.

– Откуда в камере взялась веревка? – спрашивает смершевец.

– Не знаем, товарищ майор, – говорит лейтенант из охраны, – после допроса снова тщательно обыскивали. Кроме носового платка ничего не было.

– Ночью что-нибудь странное было? – продолжал расспросы контрразведчик.

– Происшествий не было, – доложил лейтенант, – только после полуночи был сильный ветер, который задул дежурное освещение в караульном помещении. Кто-то дверь открыл, вот и получился сквозняк.

– Да, – подумал смершевец, – не будешь же объяснять сквозняком смерть интересного языка, который давал серьезную информацию.

Глава 4

В полутемном кабинете, освещаемом только светом большой настольной лампы с зеленоватым стеклянным абажуром, сидел тридцатипятилетний генерал-лейтенант Абакумов⁵ и внимательно перелистывал документы дела в красных корочках с завязками.

Начальник всего СМЕРШа читал дело, которое никак не было озаглавлено и на корочках которого было поставлено три XXX. Сейчас это показатель самой крутой порнографии, а тогда обозначало высшую степень секретности.

В деле были подшиты донесения с фронтов о таинственных случаях, которые могли являться свидетельством применения противником новых видов вооружения и форм борьбы с Советской Армией, теснившей немецко-фашистские полчища с русской земли.

– Интересно получается, – размышлял Виктор Абакумов, – свои территории мы отдали в течение одного квартала и уже несколько лет не можем их освободить. Отчего это так? Немцы, конечно, вояки хорошие, но и мы не лыком шиты. Все у нас хорошо, да что-то мы где-то недорабатываем, то наступление подготовили, а вот про многие мелочи и забыли. Там, где надо противника обойти, бьем в лоб до тех пор, пока силы не иссякнут и пока самим же не приходится отступать при превосходстве сил и средств. Тухачевского расстреляли, а вместе с ним и всю радиосвязь к стенке поставили и чуть реактивное оружие не уничтожили за компанию. Есть здесь какое-то вредительство. Враг укрылся в высоких кабинетах и потихоньку, исподволь уничтожает наши самые лучшие кадры и делает нас отстающей страной в вопросах техники. Я же сам занимался арестами и допросами врагов народа. Ломал им кости и видел, что они не так уж и виноваты, а что поделаешь? Партия приказала мочить всех в сортире, я и мочил по мере возможности со всей пролетарской ненавистью и комсомольским энтузиазмом.

Ага, а вот тут что-то странное. Какой-то призрак с одним пистолетом перестрелял всех офицеров батальона, а в одного лейтенанта выпустил целых двадцать пуль, и он жив остался. Младший лейтенант Метелкин. Пометочку. Собрать все данные на этого Метелкина.

Призрак стрелял из серебряного пистолета системы «Вальтер» Рi-38 серебряными пулями. Гильз от патронов не нашли, но есть предположение, что их собрали участники того боя и прячут у себя в качестве амулетов и оберегов от вражеской пули. Тут никакая агентура не расколет людей, желающих остаться в живых. Да и сама агентура навербована из людей.

Донесение от агента «Аргентум». И здесь тоже серебро. Тибетскими монахами подготовлен неуязвимый стрелок, который специализируется на уничтожении офицеров противника. Месторасположение и порядок обеспечения жизни стрелка засекречены. Разгадка тайны может быть только в горных районах Тибета.

Так, протокол допроса военнопленного. И тоже связано с призраком. Пленный после допроса удавлен в своей камере, потому что эксперты в один голос говорят, что сам человек так повеситься бы не смог и не смог бы где-то достать веревку и завязать ее узлом в виде шести петель, окружающих ромб. По заключению экспертов, узел этот называется «кишки Будды» и символизирует собой внутренности убитых врагов.

Ничего себе. От органов НКВД никакой информации и политические органы молчат. И, как мне кажется, самому главному тоже никто и ничего не докладывал. А зря, товарищи наркомы. У нас обороной занимается товарищ Сталин, вот я ему и доложу обо всем этом, пока Берия со Щербаковым меня не обскакали. А то скажет Сам:

⁵ Виктор Семёнович Абакумов (1908 – 1954) – советский государственный и военный деятель, генерал-полковник, заместитель наркома обороны и начальник Главного управления контрразведки («СМЕРШ») Наркомата обороны СССР (1943–1946), министр государственной безопасности СССР (1946—1951). Расстрелян в 1954 году как участник сионистского заговора.

— Чего это ви, товарищ Абакумов, мух не ловите на таком важном посту, какой мы вам доверили?

Повернувшись к приставному столику, генерал лейтенант снял трубку и попросил соединить его с Бурденко, главным хирургом Красной Армии.

— Николай Нилович, это Абакумов, — сказал генерал в трубку, когда раздался звонок, — хотелось бы встретиться по делу того серебряного лейтенанта. И учтите, дело это весьма секретное и весьма срочное. Хорошо и мы с вами обязательно выпьем по рюмочке прекрасного армянского коньячку, мне тут недавно прислали новую партию. Всего хорошего.

Неслышино вошедший адъютант положил на стол тоненькую папочку.

— Оперативная подборка на Метелкина⁶, — доложил он.

— Оперативно, — удовлетворенно отметил про себя Абакумов и раскрыл папочку.

— Ну и имечко у лейтенанта, — улыбнулся про себя генерал-лейтенант, — Исаи. Исаия.

Спасение значит. Был в стародавние времена лет за семьсот до Рождества Христова один еврейский пророк по имени Исаия. Даже в исламе его почитают за пророка, хотя имя его в Коране не помянуто. Исаия отрицал возможность изображения Бога. «Кому уподобите вы Бога?» Отрицал и возможность постижения Бога. «Разум Его неисследим». Исаия отстаивал идею о том, что каждый народ достоин власти, которая над ним, а персидского царя Кира называл помазанником Господа. В сегодняшних школах этому не учат, но вот то, что «каждый народ достоин власти, которая над ним», знают все, хотя и не знают, кто и когда это изрёк. И правителя постичь тоже нельзя, потому что и он от Бога. Даже Сталин нам дан в награду самим Богом. И Ленин был от Бога. А вот кто были у него родители? У Метелкина, конечно, а не у Ленина.

⁶ Метелкин Исаи Иванович, 1920 года рождения. Сирота. Найден в возрасте трех лет в Рязанской губернии Помеловского уезда у деревни Серебряница. Образование 7 классов и кулинарное профтехучилище. Гастроном второго разряда. По комсомольской путевке направлен на работу в народный комиссариат иностранных дел. Назначен младшим помощником старшего повара по салатам. Занимался протиркой серебряных столовых приборов. В 1941 году уволен по подозрению в краже серебра с приборов. Подозрение не доказано, но общий вес столовых приборов за время работы там Метелкина уменьшился на целых сто грамм, ни один предмет в заведуемом им комплекте не пропал. Уменьшение количества серебра в производственной характеристике не указано. Пошел добровольцем в армию. Как сотрудник наркоминдела направлен на офицерские курсы, присвоено звание младшего лейтенанта. Воевал храбро. Награжден медалью «За отвагу». В атаке немецких позиций получил множественные ранения, несовместимые с жизнью. В госпитале из тела извлечены две серебряные пули. По мнению одного из хирургов, внутренние органы обладают ртутным синдромом, при нажатии выходя за зону поражения пулями.

Глава 5

Встреча генералов Бурденко и Абакумова.

— Здравствуйте, здравствуйте, Николай Нилович, — Абакумов ласково встретил главного хирурга Красной армии и провел его к креслу перед маленьким столиком.

Было восемь часов утра. Сонное время для царства Сталина, который ложился примерно в три часа ночи и спал часов до одиннадцати дня. В это время все работали, чтобы к пробуждению вождя быть готовыми к ответу на любой вопрос.

— Как дела с Катынью? — участливо спросил Абакумов, прекрасно зная, кто, кого и когда там убивал. Но сейчас Бурденко была поставлена задача все свалить на немцев, то есть подтвердить ту легенду, которая изначально была принята при уничтожении польских офицеров, заявлявших, что они являются врагами СССР. Не говорили бы, что враги, а что хотите жить вместе со всеми, то и дело бы сложилось по-другому, сейчас были бы в армии генерала Андерса и ехали на персидский фронт.

— Много работы, Виктор Семенович, — махнул рукой хирург, который получил такую задачу, которую нельзя выполнить, не извращаясь в энкавэдешной грязи. — Чем медицина может помочь органами госбезопасности?

— На фронте появился призрак, стреляющий только в офицеров серебряными пулями, — начал свой рассказ Абакумов, но Бурденко его перебил:

— Слышал я, голубчик, об этом феномене и даже осматривал офицера одного по фамилии Метелкин, которого он изрешетил, а тот возьми да и выживи назло всем врагам. Какое-то чудесное выздоровление. Лейтенанта я перевел в свой институт для научных исследований. Многих людей он поможет спасти.

— Отлично, — сказал Абакумов, — а что вы можете сказать о наличии у него ртутного синдрома внутренних органов?

— С чего вы это взяли? — удивился Бурденко. — В истории болезни об этом ничего не говорится, и мы еще не исследовали его внутренние органы. Ртутный синдром настолько редкое явление, что оно было встречено всего лишь один раз и то в средние века, и большинство медиков подвергают сомнению запись в древних книгах.

— Понятно, — многозначительно сказал Абакумов, — а вы знали, что Метелкин, как бы это сказать попонятнее сказать, сосет серебро.

— Как это сосет? — не понял Бурденко.

— А вот доктор, в бытность заведующим столовым серебром в одной уважаемой организации, — стал рассказывать начальник СМЕРШа, — вес серебра уменьшился на сто грамм, но ни один предмет не пропал. И повреждений предметов не обнаружено. Что он с серебром делал? Только сосал.

— Нее, нет, что вы, — запротестовал Бурденко, — такие феномены металлы не сосут, они питаются им на молекулярном уровне. В Тибете был один монах, который вот так же питался золотом и потом впал в транс и его тело начало мумифицироваться золотом. Он обещал проснуться лет через двести и золото будет поддерживать его жизнь все это время. И что вы думаете? Так и сидит в позе Будды, не тлеет, а жизнь в нем, кажется, теплится и все ждут его пробуждения. Ваш рассказ про серебро дает возможность многое понять.

— Что именно понять? — Абакумов весь напрягся.

— Я понял, отчего Метелкин так быстро выздоровел, — и хирург потянулся за рюмкой с коньяком. Абакумов успел наполнить ее и налил немного коньяка себе. — Серебро делает его неуязвимым, а ртутный синдром во взаимодействии с ионами серебра усиливают серебряный эффект.

– Но, вообще-то, Николай Нилович, – Абакумов любил щегольнуть своей образованностью, – соединение благородного металла с ртутью создает амальгаму. Ртуть портит золото и серебро.

– Ртути никакой нет, Виктор Семенович, – сказал Бурденко, – просто внутренние органы похожи на ртуть, а серебро их защищает. Но я этим делом еще займусь. С ним работает капитан медицинской службы Добрый День Екатерина Федоровна. Знаток Тибета и вообще специализируется на всем необычном.

– Обязательно займитесь им, Николай Нилович, – сказал Абакумов, – но только после войны. А сейчас я попрошу вас откомандировать лейтенанта Метелкина и капитана Добрый День в мое распоряжение. И считайте, что этот вопрос уже решен на самом верху. Мы сохраним его для вашей научной работы после войны. Рад был увидеться.

Абакумов встал и протянул руку для прощального рукопожатия.

Глава 6

В 12 часов Абакумов был на докладе у своего непосредственного начальника – третьего по счету народного комиссара обороны и Верховного Главнокомандующего Сталина. Подчиняться ему напрямую это высокая честь и высокое положение в иерархии СССР.

– Товарищ Сталин, – начал он докладывать громким голосом, предварительно щелкнув каблуками щегольских хромовых сапог, – на фронте появился опытный объект гитлеровских секретных научных лабораторий, который неуязвим для нашего стрелкового оружия. Объект одет в полевой эсэсовский мундир с погонами лейтенанта, стреляет серебряными пулями только в офицеров и тех, кто заменяет в бою командиров. Факт появления объекта зафиксирован свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами в виде двух серебряных пуль, извлеченных из выжившего от ранений младшего лейтенанта. Данный факт оказал довольно сильное влияние на морально-психологический настрой войск.

– Странно, – сказал задумчиво Stalin, – а Берия со Щербаковым не докладывали мне об этом феномене. И моральный дух войск у них высок. Я у них поинтересуюсь этим. Неужели они хотят товарища Сталина держать в неведении. А вы, товарищ Абакумов, что предполагаете делать?

– Полагаю, что нам нужно поймать или уничтожить этого выродка, товарищ Stalin, – отчеканил начальник СМЕРШа.

– Правильно, – подчеркнул Верховный, – поймать или уничтожить, но лучше поймать. И кто же его будет ловить?

– Младший лейтенант Метелкин с группой снайперов, товарищ Stalin, – сказал Абакумов.

– У фашистов лейтенант, а у нас младший лейтенант, – задумчиво сказал Stalin, – не слишком ли мы недооцениваем противника, а, товарищ Абакумов? Присвойте ему звание лейтенанта, стимулируйте будущую работу. Не экономьте на спичках, когда речь идет о безопасности Отечества.

– Слушаюсь, товарищ Stalin, – Абакумов четко повернулся, щелкнул каблуками и вышел.

Встреча Сталина с начальником Главного политуправления Красной Армии Щербаковым.

– А скажите-ка мне, товарищ Щербаков, – сказал Stalin, прохаживаясь мимо стоящего навытяжку Щербакова в штатской одежде, – как у вас поставлена партийно-политическая информация? Как проходит информация прямо от солдата и до Верховного Главнокомандующего?

– Партийно-политическая информация в частях действующей армии и тыла поставлена в соответствии с требованиями президиума и ЦК нашей партии, товарищ Stalin. В каждом отделении есть свой политический информатор, который докладывает политруку, политрук комиссару, комиссар готовит политдонесение в политотдел дивизии и армии и все это скапливается в аппарате члена Военного Совета, откуда обобщенные данные поступают непосредственного ко мне для личного доклада Вам.

– Складно говорите, товарищ Щербаков, – сказал Stalin, посасывая потухшую трубку, – а вот почему я не от вас узнаю о немецком офицере, во весь рост расстреливающего наших командиров серебряными пулями? Как в тире. Как каких-то вампиров или вурдалаков.

– Мне об этом докладывали, – товарищ Stalin, – но я решил перепроверить эту информацию, чтобы не докладывать Вам непроверенные слухи.

– Ну, что же, – сказал Stalin, – это хорошо, что вы не кормите меня своими сводками Совинформбюро, иначе бы я поверил, что наши войска уже стоят у ворот Берлина в поисках

последнего немецкого солдата, которого убили на Курской дуге. И не возражайте, – жестом руки остановил Щербакова генсек, – вы делаете очень полезное дело, вселяете в людей уверенность в нашей победе. Главное, чтобы никто не имел доступа ко всем сводкам и не пересчитал, сколько раз мы уничтожили армии Гитлера. Шучу. Делом серебряного офицера не занимайтесь, сохраните все в тайне. Им занимаются компетентные товарищи. До свидания, товарищ Щербаков.

На ватных ногах начальник Совинформбюро и главного политуправления армии вышел в приемную.

– Здравствуйте, товарищ Щербаков, – приветствовал его генеральный комиссар безопасности Лаврентий Берия. – Как настроение у товарища Сталина?

– Не приведи Господь, товарищ Берия, – сказал Щербаков, – что же вы мне ничего не сказали про серебряного лейтенанта?

– Какого лейтенанта? – осипшим голосом спросил Берия.

– Того самого, – сказал Щербаков и достал из кармана коробочку с заграничным лекарством Validolum, бросив одну приятную таблетку под язык.

– Проходите, товарищ Берия, – пригласил секретарь Сталина.

Войдя в кабинет, Берия попытался щелкнуть каблуками сшитых на кавказский манер сапог, но щелчка не получилось, а получилось болезненное соударение пяток.

– Что, Лаврентий, – насмешливо сказал Stalin, – не получилось первым доложить?

– Зато мои снайперы его наверняка возьмут и даже шкурку не испортят, – бодро доложил Берия, собачьим чутьем поняв, что его обошли на повороте и что история с эсэсовцем, стреляющим наших офицеров серебряными пулями, не на шутку встревожила Сталина.

– Брать его будут без тебя, – перебил его Stalin. – Ты займись тем, чтобы обеспечить нашу безопасность здесь, в Москве, а то появится вот такой и перестреляет нас всех как куропаток, особенно тех, у кого погоны богато золотом украшены. Ты понял, меня?

– Так точно, товарищ Stalin, понял, – сказал Берия и неслышно вышел из кабинета.

– А что я понял? – недоумевал он. – Что за приказ мне поставили? Обеспечить безопасность Самого. Это правильно, но мне такой офицерик с серебряным пистолетом самому потребуется на всякий случай. Мало ли какие времена настанут.

Глава 7

Берлин. Рейхсканцелярия. В огромном кабинете за огромным столом сидит маленький Гитлер. Напротив него навытяжку стоит рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Издали оба кажутся лилипутами, попавшими в кабинет великана.

– Генрих, – быстро начал говорить Гитлер, – у меня плохое настроение, поэтому ни слова о моих личных врагах. Расскажите мне о том, как наши доблестные солдаты уничтожают жидомасонский социализм.

– Мой фюрер, – Гиммлер пригнулся как официант, принесший лакомое блюдо посетителю в ресторане, – с огромной радостью докладываю вам, что проект «Вайсе Тигер» (Белый Тигр) действует и уже навел панику в наступающих панцервойсках русских. Он появляется ниоткуда и расстреливает как куропаток хваленные русские Т-34. Все русские хитрости разгадываются таинственным экипажем и советские танки горят как факелы. Сейчас мы под руководством профессора Гутен Таг (Guten Tag) проводим испытания нашего нового проекта «Зильбер Кугель» (Серебряная Пуля). В проекте авиационный проект «Вайсе Адлер» (Белый Орел).

– Расскажите мне подробнее об этих проектах, Генрих, – оживился Гитлер, – это как раз и есть наше новое оружие, но вундерваффе должно быть мощнее. Один выстрел должен уничтожать миллионы людей на фронте и в тылу.

– Наш Зильбер Кугель стреляет из пистолета как в тире и убивает русских офицеров десятками, останавливая наступления полков, – Гиммлер перевел разговор от чудо-оружия к тому, в чем он был заинтересован и к чему приложил руку.

– Какую награду вы испрашиваете для него? – спросил Гитлер.

– Ему не нужно наград, – патетически сказал Гиммлер, – он работает за идею и за тысячу летний Рейх.

– Вот это настоящий немец, – сказал Гитлер. – Когда вы сделаете тысячи таких Кугелей? Они нам нужны как воздух. В каждой роте должен быть Зильбер Кугель с серебряным пулеметом.

– Есть проблемы с генетическим материалом, мой фюрер, – сказал Гиммлер, – и мы сейчас выясняем, кто убил буддистского монаха, который превратил смертного человека в бессмертного Кугеля.

– Ищите, Генрих, ищите, – сказал Гитлер, – и не выпускайте из поля зрения исследования по созданию эликсира бессмертия. Наша партия не должна лишаться своего руководства в расцвете сил и творческой энергии. Что нужно от меня?

– Мой фюрер, – сказал Гиммлер, – прошу дать указание партайгеноссе Гёргингу, чтобы он не препятствовал сделать «Вайсе Адлер» из вашего любимого летчика майора Ганса-Ульриха Руделя.

– Руделя, Руделя, Руделя, – стал бормотать про себя Гитлер. – Найдите кого-нибудь другого, Генрих. Рудель наше знамя авиации. Рудель ведет за собой все люфтваффе. Гёргинг вам найдет подходящего летчика. Только не вздумайте из него делать этого Адлера, такой орел вряд ли сможет взлететь на любом самолете. А есть ли у Сталина такие герои, как у нас? – и Гитлер с прищуром посмотрел на главного чекиста Третьего Рейха.

– У Сталина таких героев много, но у этих героев нет такого фюрера, как Вы, мой фюрер, – Гиммлер умел льстить так, как не мог польстить никакой умудренный практическим опытом царедворец. – Сталинские герои с гранатами бросаются под наши панцеры. И то только потому, что они поставлены в такие условия – либо с гранатой под танк, либо расстрел самому и концлагерь для родственников. Сталинские комиссары с наганами в руках страшнее наших панцеров с зенитными пушками.

– Генрих, вы предлагаете ввести комиссаров в Вермахте? – спросил Гитлер.

– Что Вы, что Вы, майн фюрер, – засуетился Гиммлер, – германским солдатам не нужны комиссары, они впитали идеи национал-социализма с молоком немецкой матери, – патетически сказал он.

– Ладно, Генрих, – примирительно сказал Гитлер, – вопросы производства молока забоят господина Дарре, он министр сельского хозяйства, пусть у него болит голова об этом, а вы министр внутренних дел.

Поняв это знак окончания аудиенции, главный чекист Германии резко вскинул руку в нацистском приветствии и вышел из кабинета.

– Надо же, какая сволочь, – думал Гиммлер, – встал на сторону скотины Гёргинга и высмеял меня в самых лучших чувствах по отношению к германскому солдату. Мы еще посмотрим, кто кого.

В своей резиденции на Принц-Альбрехтштрассе Гиммлер вызвал к себе начальника Reichssicherheitshauptamt – Главного управления имперской безопасности – Кальтенбруннера.

– Эрнст, вы не задумывались над тем, чтобы переименовать вашу организацию в Tod für Spies – смерть шпионам? – задал неожиданный вопрос Гиммлер.

– Нет, рейхсфюрер, – быстро ответил Кальтенбруннер. – Такая организация уже есть у Сталина, а что, есть подозрения, что русские внедрили к нам своего шпиона?

– А вы можете гарантировать, что в нашей системе нет русских шпионов? – атаковал Гиммлер вопросом на вопрос.

– Никто не может дать такой гарантии, – сказала Кальтенбруннер, – даже сталинские чекисты не могут гарантировать, что нас не информируют о том, что происходит у них.

– А что у русских есть по проблеме «Серебряная пуля» (Зильбер Кугель), – спросил Гиммлер.

– По докладу нашей агентуры, русские ошеломлены, и никто не хочет верить в то, что у нас есть неуязвимый стрелок, уничтожающий офицеров, – доложил Кальтенбруннер. – Агент «Монах» (Mönch) сообщи, что у русских обнаружен младший офицер с рутовым синдромом внутренних органов, который при определенной подготовке может стать истребителем Зильбер Кугель. Но из генетических материалов русского и немца можно сделать сверхчеловека, который может быть использован во всех родах вооруженных сил.

– Сколько нужно времени для создания такого человека? – спросил Гиммлер.

– Мы постараемся ускорить этот процесс, рейхсфюрер, – сказал Кальтенбруннер, – но на эволюцию человека от обезьяны было затрачено...

– Эрнст, – оборвал его Гиммлер, – фюрер сказал, что теория Дарвина не верна в корне, потому что немец не мог произойти от обезьяны. Докладывайте мне все новое по проекту Зильбер Кугель.

Выходя от Гиммлера, Кальтенбруннер закурил и не спеша пошел в свой офис.

– Дарвин, видите ли, неправ, – думал он, – немцы произошли не от обезьян. А от кого? Гиммлер так точно произошел от обезьяны. Иначе быть не может, не обезьяны же произошли от немцев.

Глава 8

Лаборатория института Бурденко.

Капитан медицинской службы Добрый День Екатерина Федоровна рассматривает результаты исследований младшего лейтенанта Метелкина Исаи Ивановича.

– Что там у нас, голубушка? – ласково спрашивает ее генерал медицинской службы Бурденко. – А вы как-то изменились после командировки в Тибет. Стали строже к себе и в вашей работе появилась так нужная нам пунктуальность и скрупулезность.

– Спасибо, профессор, – поблагодарила капитан, – мне кажется, что каждого сотрудника медучреждения нужно посыпать на стажировку в Тибет или в Германию. Немцы чем-то сродни тибетцам, но и они тоже приезжают в Тибет за мудростью и знаниями. И еще я прошу, чтобы младшего лейтенанта Метелкина разместили на жительство в моей комнате, чтобы я могла круглосуточно вести наблюдение за ним.

– Лейтенанта Метелкина, – поправил ее Бурденко, – сегодня приказ подписали о присвоении ему очередного звания. А не затруднит ли вас круглосуточное пребывание вместе с раненным офицером? Это, матушка, как семейная жизнь получаться будет.

– Это научный эксперимент, товарищ генерал, – четко сказала капитан Добрый День, – а для науки нужно жертвовать всем.

– Ну, что же, я не возражаю, – сказал Бурденко, – а как к нему отнесется сам Метелкин?

– Мне кажется, что против не будет, – сказала капитан, – он, как говорится, на меня глаз положил, а это положительный фактор для оказания нужного воздействия на объект научного эксперимента.

Вечер трудного дня. В комнате, где живут капитан Добрый День и лейтенант Метелкин накрыт импровизированный стол. На медицинской салфетке стоит бутылка водки, открыта банка фронтовой тушеники, на газете крупными кусками нарезана селедка. В качестве емкостей для спиртного медицинские мензурки.

– Ну, товарищ лейтенант, за долгожданное повышение, – предложила капитан тост и чокнулась своей мензуркой с мензуркой лейтенанта Метелкина.

– А этот тост давайте выпьем на брудершафт, – предложила капитан Добрый День.

Они целуются. Целуются долго, дольше, чем предполагает обыкновенный тост.

Лейтенант Метелкин берет на руки не сопротивляющуюся женщину и несет в кровать.

– Мильй, давай сегодня мы это сделаем столько раз, на сколько у тебя хватит сил, – предложила капитан.

– Я согласен, – сказал лейтенант Метелкин, – ты знаешь, как я оголодал на фронте, так что держись.

После каждого коитуса Екатерина Добрый День бежит в туалет и наполняет спермой Метелкина маленькую мензурку. Перед рассветом в штативе стояло десять наполненных мензурок.

Капитан пронумеровала все мензурки, плотно закрыла пробками и вложила в черный кожаный несессер с резиновыми держателями для мензурок.

Открыв дверь, она вышла в коридор и подошла к усатому солдату, который занимался растапливанием печек в институте.

– Franz, sofort die Parzelle in der Mitte übergeben (Франц, немедленно передай посылку в Центр), – сказала она. – Davon gehen Sie aus, dass diese Prämisse das glückliche Leben des deutschen Volkes ist (Считай, что в этой посылке находится счастливая жизнь немецкого народа).

– Ja, Herr Hauptmann (Слушаюсь, господин капитан), – ответил солдат, – Heute wird übergeben (сегодня же передам).

Истопник спрятал несессер под ватную куртку и с ведром в руках пошел к выходу из лаборатории. Сразу за дверью он был остановлен часовым с винтовкой с примкнутым штыком.

– Так ты что, немец? – спросил часовой.

– С ума что ли сошел? – отмахнулся от него истопник и пошел дальше.

– Стой, – закричал часовой и сдернул с плеча винтовку.

Усатый солдат бросился к часовому, вырвал из его рук винтовку, которую он никак не мог зарядить, и штыком пронзил часового.

Кабинет начальника «СМЕРШ» Абакумова.

– Товарищ генерал-полковник, убит часовой, охранявший лабораторию, где проводится исследование лейтенанта Метелкина, – доложил начальник отдела по охране научных секретов. – Лейтенант Метелкин и капитан Добрый День не пострадали. Выясняем, кто мог убить часового и почему он не тронул охраняемых объектов.

– Так-так, – сказал генерал Абакумов, – они и сюда добрались. А мы ничего не можем им противопоставить. Строго наказать оперативную группу, обслуживающую медицинский институт. Проработать повторную проверку личного состава охраны и медицинского персонала. Запомните, что враги кругом и их очень много. Чем дальше, тем больше врагов вокруг. Врача с лейтенантом спрятать так, чтобы даже я не знал, где они находятся.

– Слушаюсь, – сказал начальник отдела и вышел.

– Так-так, – удовлетворенно подумал Абакумов, – пусть немцы знают, что у нас есть противоядие против их серебряных стрелков. А вдруг и Метелкин враг? Внедрили к нам в двадцатые годы в младенчестве, а потом помогли устроиться в наркоминдел? Чушь? Чушь не чушь, прижмем, сознается во всем. Да и за врачихой нужно установить наблюдение. А пусть лучше они ведут наблюдением друг за другом и докладывают нам. Так, скоро день создания ВЧК, 20 декабря, нужно поощрить сотрудников. Хотя мы сейчас и не ВЧК, а как бы военная контрразведка, подчиненная министерству обороны. А интересно, в какой день немцы празднуют день Гестапо? Гестапо (Тайная государственная полиция) создал Гёргинг 26 апреля 1933 года сначала у себя в Пруссии, а потом распространил ее на всю Германию. Но что-то я не слышал, чтобы все Гестапо напивалось в смерть 26 апреля каждого года. А ведь могли бы, конспираторы.

Глава 9

Бункер в глубине прифронтового леса. В центре каменный очаг с котелком над горящим огнем, Мужчина монголоидной внешности в монгольском халате и с лысиной буддийского монаха что-то варит в котле.

Внезапно в бункере чувствуется дуновение ветра, колыхнувшего огонь в очаге, и появляется эсэсовский лейтенант. Он раздевается до пояса и начинает молиться огню, крутя в руках трещотку с буддийскими молитвами.

– Однако, давай насяльника, пей зорркий суп, потом займемся железная рука, – на ломаном немецком языке говорит мужчина в халате.

– Wann lernst du deutsche Sprache, Savandorj? (Ты когда выучишь немецкий язык, Савандорж), – говорит эсэсовец.

– Однако, не скоро выучу, учительницы нету, – сказал Савандорж.

– Давай свое пойло, – махнул рукой лейтенант.

Выпив питье из чашки, он скривился от отвращения и сказал своему повару:

– Что это за дермо?

– Однако, обыкновенное дермо. У далай-ламы другого не бывает, – сказал Савандорж. – Ты вот пьёшь и тебя пули не берут, одни синяки остаются, а у нас от такого снадобья мертвые живыми становятся.

Через какое-то время глаза у лейтенанта становятся желтыми, а зрачок стал принимать миндалевидную форму, как у змеи.

– Бери игрушку, – сказал Савандорж, – сейчас играть будем.

Он сел к столу и открыл чемоданчик с кнопками и лампочками. Лейтенант взял в руки пистолет. Савандорж нажал на кнопку в чемоданчике и в глубине бункера зажглась лампочка. Лейтенант нажал на спусковой крючок и из ствола пистолета появился тонкий световой луч, попавший в лампочку. Послышался звон медного колокольчика.

– Вот тебе и дермо, – сказал монах, – глаз как алмаз. Стреляй дальше.

Монах взял палку и одновременно с зажигающейся лампочкой стал бить по руке лейтенанта с пистолетом. Офицер стрелял световым лучом и не делал ни одного промаха.

– Хорошо, насяльника, – сказал Савандорж, – спи, однако, завтра русский будет делать разведку боем. Кроме тебя они никого не увидят. Спи, твой Гитлер тебе спокойной ночи передает.

Лейтенант закрыл глаза и в расступающемся тумане он увидел свою мутти, которая качала его люльку и вполголоса напевала:

Schlaf, Kindlein, schlaf!
Dein Vater hut» die Schaf,
die Mutter schuttelt's Baumelein,
da fallt herab ein Traumelein.
Schlaf, Kindlein, schlaf!

(Спи, малютка, спи. Отец твой сторожит овец, мамочка качает люльку и спит вместе с тобой. Спи малютка, спи).

– Спи, Йозеф фон Безен, – подумал лейтенант, – завтра тебя ждут великие дела!

Глава 10

Просторный блиндаж особого отдела дивизии. В блиндаже особисты – полковник и капитан. За столом сидят сержанты-снайперы Улусов и Копейкин.

– Товарищ Берия поставил задачу – взять этого урода живым или мертвым, – сказал полковник, – мы должны показать, кто обеспечивает безопасность армии, НКВД или «СМЕРШ». Принесете этого снайпера – получите Героев и станете лейтенантами. Пошлем вас охранять лагеря в тылу, живыми останетесь. Снимете зеленые фуражки и наденете с синим окольшем. Делов-то с гулькин нос, все равно в одной энкавэдешной системе сидим. Значит так, стреляете по руке с пистолетом и хватаете субъекта. Он один, а вас двое. И лычки свои снимите для верности. Пойдете рядовыми в цепи. Капитан, налей нам для настроения по кружечке фронтовых.

Капитан достал из-под стола бутылку с засургученным горлышком, проворно открыл ее и привычным жестом официанта разлил ее по четырем алюминиевым кружкам.

– Ну, мужики, за удачу, застольную по-чекистски, – сказал полковник, взял кружку ладонью за горловину и двинул ее навстречу трем поднятым.

Поглядев на полковника, капитан и сержанты взял свои кружки по полковниче-чекистски и чокнулись. Раздался звук, похожий на щелканье камней-гольшней друг о друга.

– Товарищ полковник, – спросил младший сержант Копейкин, – а почему мы так кружки держали?

– Это уловка наша такая, – сказал довольный полковник, закусывая водку «вторым фронтом» – тушенкой из кенгуруного мяса из Австралии. – Так непонятно, что за звуки из кабинета доносятся, а звякни кружкой или стаканом, тут любой поймет, что мы водку пьем.

Полковник вспомнил, как они собирались у кого-то в кабинете после допросов политических арестованных и заливали водкой воспоминания о выбитых зубах и избитых в кровь лицах подследственных.

Сержанты вежливо посмеялись, оценив находчивость коллег полковника.

– Не только мы на работе пьем, однако, – подумал сержант Улусов, – начальники тоже на работе пьют, свои начальники, с рабоче-крестьянским происхождением.

Перед его глазами встала контора колхоза в полупустом доме в центре села. Председатель колхоза в белой сталинской фуражке со счетоводом, оглянувшись по сторонам, налили по пол-стакана самогона, выпили, закусили соленым огурцом, вытерли губы и с довольным видом пошли домой в конце рабочего дня, раскланиваясь с бабами, ожидающими у ворот возвращения с выпаса недоеных коров.

– Пьют, обычно, после того, как на дело сходили, – думал младший сержант Копейкин, – разглядывая нехитрую снедь на столе. Как возьмем какой-нибудь склад или мародера немецкого с рыжим кокнем, так за это дело и выпить не грех за то, что живыми остались. Нас всё партизаны к себе звали, в строй хотели поставить и заставить эшелоны немецкие под откос пускать. А нам это не в кайф. Мы «Интернационал» не поймем, а когда вышку дают, то не кричим «Да здравствует товарищ Сталин». Мы заводим шуры-муры с немецкими интендантами и ведем натуральный цивилизованный гешефт на миллионы марок, не отказывая себе ни в чем. Кому война, а кому мать родна. Наш пахан по значимости не менее, чем секретарь обкома, да и секретарь с паханом всегда ручку здоровкается. Пахан меня в армию толкнул. Ты, говорит, – Червонец, стреляешь отменно, иди, повоюй, нам стрелки ой как скоро нужны будут. Нечего стрелки забивать. Стрельнул раз и, как говорит товарищ Сталин: нет человека, нет проблемы. А вчера маляву от пахана получил. Пишет, чтобы я вражину этого захватил лично и свидетелей убрал. Ждать меня будут недалеко от места боя. Пахан и раньше говорил, что преступность бессмертна, а сейчас захотел сам бессмертным стать. А ты подумай, Копейкин, может тебе самому бессмертным стать и из Червонца в пахана над паханами превратиться?

— А ну, еще по одной, стременную — приказал полковник и залихватски сказал, — между первой и второй перерывчик небольшой.

Затем последовали очередные тосты, типа: закурганной, когда между второй и третьей пуля не должна пролететь, и четвертую — коню в морду, когда хмель от водки, приготовляемой гидролизом из еловых опилок, не ударил всем голову и не расслабил до такого состояния, когда все таимое в душе вдруг высунуло нос наружу и показало, кто есть кто. Как это говорят, что у пьяного на языке, то у трезвого на уме. Но за столом сидели прожжёные жизнью люди и держали в голове все то, что рвалось улицу.

Капитан с тоской думал о том, что попал в пренеприятнейшую историю с этими снайперами и краснорожим полковником, приехавшим, как он намекнул, от самого товарища Берии.

Капитан был опытным контрразведчиком и не лез на рожон, наблюдая издали за ходом боя и после боя тщательно опрашивая свою агентуру, кто и как вел себя, но не для того, чтобы представить отличившихся к наградам, а для того, чтобы подробно доложить по команде, кто из его подопечных является потенциальным врагом и кто при раздаче фронтовых ста грамм не припевает рекомендованную песню: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальём».

А завтра его, глаза и уши контрразведки фронта поведут в цепи рядом со снайперами, и он должен будет крутить руки эсэсовцу, стреляющему в офицеров серебряными пулями. А кто этого эсэсовца видел? Никто. Все мёртвые. Один вот Метелкин сидит, контра недорезанная.

Завтра нужно будет надеть все солдатское и документы в землянке оставить, вдруг этот дух с пистолетом офицеров нюхом чует. Да, хотя, какой я офицер. Сам из рабочих. Надоело у станка стоять, написал заяву на мастера, что, мол, вражина он и верных сынов Советской власти изнуряет непомерным трудом, заставляя переделывать уже сделанные детали, придираясь к каким-то миллиметрам. Ну, его и взяли сердешного под руки, а меня вызвали в райком комсомола и предложили идти работать в органы. Я согласился. Форма, паёк, особое положение, винтовку дали и отрядили на охрану лагерей. И тут я выдвинулся со своей политической бдительностью и умением разглядеть врагов народа даже под энкаведистскими фуражками.

За тайные заслуги меня прямо и бросили в новосибирскую чекистскую школу. Вот там собрался такой же контингент, как и я. Жил словно во вражеском тылу на ответственном задании. Сам секёшь за всеми и за тобой секут в сто глаз, стараясь выслужиться и получить лишний кубик на петлицы. Комсомольский билет даже во сне держишь в руках, чтобы кто-нибудь не спустил его ночью в унитаз и не доложил по команде, что такой вот халатно относится к сохранению комсомольских документов и сможет ли он хранить военную, государственную и чекистскую тайну? Сам один комсомольский билет выкинул и видел, как бывшего комсомольца взашей выталкивали из школы, уменьшая количество моих врагов и конкурентов. А потом, уже будучи сержантом госбезопасности, выявлял врагов в офицерской среде, среди этих чистоплюев, которые кичились своей офицерской честью. Ух и потоптался же я на этой чести, будут меня еще двести лет помнить.

Вдруг задремавший полковник встрепенулся, стукнул здоровым кулаком по столу и заорал:

— Вы чего здесь все делаете, а, вашу мать? Нажрались, а завтра ответственное задание. А ну, всем спать. А ты чего сидишь? — напустился он на капитана. — Готовь солдатское обмундирование для меня и для себя. Хрен ты завтра в кустах отсидишься. Со мной пойдешь. Даже впереди меня пойдешь. Понял? Одна нога здесь, другая там. Об исполнении доложить! — и он снова уронил голову на грудь.

Полковник не спал. Он напряженно думал о том, как ему завтра остаться в живых и вспоминал разговор с наркомом Берией перед отъездом сюда.

– Ты мне должен привезти этого живым или мертвым, – кричал перед его лицом Берия. – Тебе оказано высокое доверие и если ты хоть словом обмолвишься о моем задании, то ты не проживешь и часа после этого. Ты меня понял?! Мне нужен живой этот немецкий феномен и чтобы никто не знал, что он у нас. Ни одна душа. Выполнишь задание, дам тебе генерала и в кормление отдам лагеря на Дальнем Востоке. Будешь там царем. Посадим к тебе в лагеря величайших артистов и писателей. Они будут сочинять книги о тебе, петь песни и ставить спектакли. Будешь самым знаменитым на свете человеком, но только по моей команде. Понял меня? И никаких свидетелей!

Полковник вспомнил это разговор и вздрогнул.

В землянке было темно. Лампа еле светила и туман тонкой змейкой заползал в помещение. Наступал густой июльский рассвет.

Глава 11

Кабинет начальника СМЕРШ Абакумова. Он разговаривает по телефону с генералом медицинской службы Бурденко.

– Николай Нилович, забираем мы вашего Метелкина, нужен нам на фронте. Вы там распорядитесь, чтобы его подготовили к отправке. Я уже людей послал за ним, – сказал Абакумов.

– Да как же так, товарищ генерал, – возмутился Бурденко, – это же неоценимый научный феномен. Мы же потом локти будем кусать, если с ним что-то случится.

– Ну, положим, локти будете кусать не вы, – отпарировал Абакумов, – а наукой заниматься будете после войны. Это распоряжение Самого. Не советую беспокоить его по этому делу.

– Есть товарищ генерал, – по-военному сказал главный хирург армии и положил трубку.

– Вот и ладненько, – подумал начальник СМЕРШ, – нужно мне будет свою медицинскую клинику создать и Метелкина там изучать на предмет неуязвимости от всяких там пуль, а, может быть, и бессмертия избранного человека. Но все нужно делать в тайне.

Кабинет генерала медицинской службы Бурденко. Два часа ночи. Звонок телефона. Бурденко взял трубку, затем вскочил со своего кресла, вытянулся по стойке «смирно» и сказал:

– Слушаю Вас, товарищ Сталин!

– Добрый вечер, товарищ Бурденко.

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

– Ну, зачем так официально, Николай Нилович? Звоню узнать, как у вас дела, не нуждаешься ли в чем-то.

– Все в порядке, товарищ Сталин, все нужды удовлетворяются вовремя.

– Тут вот вам звонил товарищ Абакумов. Как вы думаете, в чем ценность лейтенанта Метелкина? Только просьба у меня. Я в медицине не сильно сведущ, поэтому сразу скажите, что мы можем получить на выходе. Буквально пару слов.

– Нужны научные исследования, товарищ Сталин, но думаю, что нам может открыться возможность повышения неуязвимости человека, а, возможно, и увеличения продолжительности жизни вплоть до бессмертия.

– Товарищ Бурденко, вы считаете что такое возможно? Ведь это противоречит марксистско-ленинскому диалектическому материализму и марксистско-ленинской философии. А попы вообще говорят, что вечная жизни возможна только в загробном мире.

– Попы ошибаются, товарищ Сталин, а диалектический материализм предполагает бесконечность материи и бесконечность познания мира, поэтому возможна и бесконечная жизнь всего советского народа.

– Ну, за весь народ мы не будем говорить, товарищ Бурденко, а вот в отношении отдельных личностей нужно подумать. После выполнения задания товарищем Метелкиным, берите его под свое крыло и изучайте со всех сторон в том направлении, о котором мы с вами говорили. Никто вам мешать не будет, а помочь будет оказываться любая. Вы меня поняли, товарищ Бурденко?

– Так точно, понял, товарищ Сталин!

– И вот еще что. Приставьте к этому Метелкину своего верного человека. Чтобы глаз с него не спускал.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Клиника генерала медицинской службы Бурденко. Комната для проживания лейтенанта Метелкина. В постели лежит он и капитан Добрый День, осуществляющая изучение таинственного пациента. В чем, а мужской силой Метелкин не был обделен. Последний раз он утихоми-

рился где-то час назад и спал сном младенца, а женщина еще не могла отойти от того, что она чувствовала во время секса с ним.

– Нужно его умыкнуть куда-нибудь, – лениво думала капитан, представляя, как они в белых рубашках, взявшись за руки, идут по полю, усеянному голубыми цветами.

Резкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть и вскочить с постели. Быстро накинув юбку и гимнастерку, капитан крикнула:

– Кто там?

– Открывайте, СМЕРШ, – пробасил голос за дверью.

Екатерина Федоровна открыла дверь. Перед ней стоял армейский офицер с погонами и красной книжечкой в руках в развернутом виде. В глаза бросились красные полосы, пересекавшие удостоверения по диагонали слева направо и снизу вверх.

– Капитан Новаков Петр Александрович, – прочитала капитан Добрый День, – начальник отдела контрразведки СМЕРШ, удостоверение действительно до 10 мая 1945 года, печати, подпись начальника управления по Западному фронту. Слушаю товарищ капитан.

– Немедленно соберите вашего подопечного, – приказал смершевец, – мы сейчас уезжаем.

– А я что, уже никто? – спросил лейтенант Метелкин, натягивая на себя брюки и взяв в руки сапоги.

– Извини, лейтенант, – сказал примирительно капитан, – но капитан Добрый День как бы начальник над тобой и несет за тебя ответственность до сего момента. А с этого момента ответственность буду нести я. С меня голову будут снимать, а не с нее. И не с тебя. Так что, давай, три минуты на сборы.

– Я за три минуты не смогу собраться, – запротестовала капитанша.

– А тебе никуда не надо торопиться, – грубо сказал капитан, – спи себе дальше. Ты никуда не едешь. И никаких возражений, дело согласовано на самом верху. Твой главный лепила все санкционировал.

– Вы что, сидели в тюрьме? – удивленно спросила капитан медицинской службы.

– Не сидел, а охранял, – поправил ее смершевец, – у нас вся милиция и вся тюремная охрана по фене ботает, чтобы непоняток не было, это потом нам приходится корячиться, чтобы втолковать вам, что и к чему. Я только недавно на русский язык перешел, меня все блатари за своего принимали. Сразу спрашивали, когда я с кичи откинулся и когда ссучиться успел.

– С какой кичи? – удивилась женщина.

– Я же говорю, что непонятки во всем, – ухмыльнулся контрразведчик, – кича это тюрьма. Откинуться – это освободиться. Ссучиться – пойти на службу к властям. Усекла?

– Усекла, – кивнула головой капитан Добрый День.

– Ну что, наговорились? – спросил лейтенант Метелкин. Он был уже одет и был готовности идти с сопровождающими. – Пошли, – и он двинулся к дверям.

– Изя..., – махнула рукой женщина.

– Не Изя я, – сказал Метелкин, – а Исаи. Исаи Иванович, а это не одно и то же, Катя. Метелкин в сопровождении смершевцев уходит.

Через полчаса прибегает дежурный и просит подойти к телефону. Вызывает генерал Бурденко.

– Здравствуйте, Екатерина Федоровна. Как там ваш питомец?

– Забрали его, Николай Нилович и увезли неизвестно куда.

– Не волнуйтесь, известно куда. Собирайтесь, поедете на Западный фронт, будете тенью у Метелкина. Чуть что, сразу докладывать мне.

– Есть, товарищ генерал, еду.

– Ну, слава Богу, – перекрестилась капитан Екатерина Добрый День, – никуда Исаи от меня не денется. Это хорошо, что он не Изя, а Исаи.

Глава 12

Спецсамолет «Дуглас» начальника главного управления контрразведки СМЕРШ.

На скамейке сидит лейтенант Метелкин. Напротив него красноармеец с ППШ. Автомат направлен прямо в лейтенанта Метелкина.

– Убери пушку, – сказал ему Метелкин, – палка и та раз в год сама стреляет.

– Не могу, – сказал солдат, – приказ такой, если событ, что бы вы, товарищ лейтенант, живым к врагу не попали.

– Так нас же не сбили, – сказал Метелкин.

– А вдруг событ, – сказал солдат, – а я не успею приказ выполнить? Меня тогда к стенке, так я лучше сразу приказ выполню, как только по нам стрелять будут. А еще говорят, что вас никакая пуля не берет, чего же бояться-то тогда.

– Я вот тебе сейчас звездану сейчас между глаз, ты не только стрелять, ты и смотреть-то в одну сторону не сможешь, – пообещал Метелкин.

– Товарищ капитан, – заверещал солдат, – конвоируемый угрожает напасть на меня.

– Дурак ты, Чуваков, – сказал подошедший капитан СМЕРШа. Он дремал в кресле начальника контрразведки. Ему снилось, что он генерал, а рядом с ним стоит хорошенская белокурая девушка в короткой юбке и с подносом в руках. А на подносе коньяк, водка, сало с прожилками и соленые огурцы. И тут этот дурак разбудил прямо перед тем, как он готовился выпить залпом рюмку коньяка, а затем сразу рюмку водки и смачно закусить все это огурцом. – Убери автомат, а то я вместо лейтенанта сам тебе по зубам звездану. А ты, лейтенант, не серчай. Задание у насшибко серьезно. Ни тебе, ни нам в лапы к противнику попадать нельзя. А мы и не попадем. Минут через пятнадцать посадка, там нас ждут.

– Кто ждет? – спросил Метелкин.

– Кто надо, тот и ждет, – сказал капитан и разговор закончился.

На посадке летчик дал небольшого «козла», все подпрыгнули на своих сиденьях, рядом Чуваков дал длинную очередь из автомата, основательно продырявив обшивку самолета. Метелкин еле успел пригнуться от пуль одуревшего от ответственности солдата.

Капитан с трудом обезоружил своего подчиненного, который был практически в невменяемом состоянии.

– В доску иху мать, – матерился капитан на солдата, виновато глядя на Метелкина, – где их таких дураков берут? Страна ждет героев, а бабы рожают чудаков.

– Запугал ты его, капитан, – сказал Метелкин. – Такие беду к себе притягивают. Скажем, что была самопроизвольная стрельба. Автомат нешибко надежен. Бывает, упадет с гвоздя и очередь по своим хозяевам даст. А с самолетом ничего не сделается. Солдата отдай в пехоту, его там научат родину любить.

– Отдам, – сказал капитан и приглашающе махнул рукой в сторону открытой. – Ждут.

У трапа уже стоял «виллис» и полковник в пехотной форме.

– На «мессеров» нарвались? – спросил он, показав на пробоины в корпусе. – Так прямо в самолете и летали или пули из вас высасывали? Виновного наказать. Пошли лейтенант.

Сев в «виллис», полковник и Метелкин поехали в сторону леса.

В лесу находилось управление контрразведки армии.

В отдельной землянке находился какой-то гражданский человек в очках, пивший чай и закусывающий огромным бутербродом с тушенкой.

– Садись, лейтенант, – сказал полковник, – подкрепись с дороги, потом работать будем.

– Так это ты серебряный лейтенант? – поинтересовался гражданский. – Не больно-то ты и велик, – и гражданский ткнул вилкой в руку Метелкина.

– Вы чего, все тут сговорились, чтобы меня убить? – закричал Метелкин. – Что за издевательство, товарищ полковник?

– Не шуми, Метелкин, – примирительно сказал полковник, – наши спецы еще не столкнулись с такими феноменами, как ты, вот и пробуют тебя на зуб. А ты, Бовин, скажи спасибо, что лейтенант тебе не врезал. У него это сегодня бы ловко получилось. Только что в постели у бабы был, а к вечеру почти что на передовой. Тут и волком запеть можно.

– Завыть, Иван Иванович, – поправил полковника Бовин.

– Воют от тоски, а поют от радости, – сказал полковник. – А у нас радость великая, завтра будет нам пан или пропал. Это ты, ученый, здесь будешь прохладиться, а нам с лейтенантом в самой гуще придется быть. Давайте быстрее доедайте и приступаем к работе.

Быстро поев, Бовин начал раскладывать на столе какие-то ящики. Полковник и Метелкин стояли рядом, разглядывая диковинные приспособления в деревянных ящиках.

В одном из ящиков оказался револьвер системы Нагана белого цвета.

– Неужели серебряный? – спросил лейтенант Метелкин.

– Посеребренный, – важно ответил ученый Бовин. – Из серебряного хрен выстрелишь. Серебро мягкое, легкоковкое и оно пойдет волдырями на стволе, если не фукинет порохом через какую-нибудь дырку. Серебрение на совесть, слой толстый, а внутри все железное, но пули чисто серебряные. Для тренировки будем стрелять обычными пулями, а для дела серебряные. Сейчас рукоятку под вашу руку подгоним и будем готовы.

Бовин снял слепок с руки Метелкина и по слепку стал прилеплять пластик к рукоятке нагана.

– А пистолет нельзя было посеребрить? – спросил Метелкин. – Он удобнее, легко перезаряжается. А тут семь раз стрельнешь и пока будешь перезаряжать, тебя семь раз убьют.

– Не волнуйтесь, товарищ лейтенант, – сказал Бовин, – это не простой револьвер, а специальный. Специально разрабатывался так, что барабан откидывается в сторону и одним движением стреляные гильзы выкидываются. Затем при помощи вот этой обоймы вы легко перезаряжаете барабан, щелчок и он на месте. Наши конструкторы на месте не сидят.

– Открыли Америку, – пробурчал Метелкин, – у англичан и американцев давно барабаны в револьверах откидываются, а мы тут прорыв технический осуществили, Наган усовершенствовали. А чего в армии у нас таких револьверов нет?

– Хватит спорить, – оборвал их полковник, – специалисты нашлись. Мы никогда не будем заниматься западным низкопоклонством. Задание у нас важное, сам товарищ Сталин за ним смотрит. Нам осечку допустить нельзя и нужно брать пример с нашего вождя. Он, как раб на галерах, трудится над управлением нашей страной и его задачи – не чета нашим.

Глава 13

Клиника профессора Бурденко.

Капитан Добрый День находит в хозвзводе солдата-истопника и передает ему записку. Солдат уходит в увольнение и передает записку старушке с корзинкой.

Старушка идет по улице, а затем, оглянувшись по сторонам, заходит в один из домов. В квартире ее ждет сотрудник НКВД в фуражке с синим верхом. Он читает записку, фотографирует ее и кивком головы говорит старушке, что она может идти.

Старушка идет на небольшой рынок, подходит к будке холодного сапожника и просит подколотить ему подошву. Расплачивается с ним запиской и уходит.

Кабинет Лаврентия Берии. Докладывает помощник:

– По срочному сообщению агента «Роза», лейтенант Метелкин под конвоем сотрудников СМЕРШ уведен в неизвестном направлении. Поиски привели на аэродром, где базировался личный самолет начальника Главного управления контрразведки Абакумова. Маршрут полета самолета не известен.

– Как не известен? – стукнул кулаком по столу Берия. – Куда смотрит служба ВНОС (воздушное наблюдения, оповещение, связь)?

– Погода туманная, товарищ нарком, ВНОС не смог определить маршрут полета самолета, – сказал помощник.

– А как англичане определяют направления полетов самолетов и заранее знают о прилетах немецких самолетов? – ехидно осведомился Берия.

– У англичан есть радиолокаторы, товарищ нарком, – доложил помощник.

– Всё-то ты знаешь, во всем осведомлён, – снял очки Берия, – а ты случайно не являешься немецко-английским шпионом?

– Что вы, товарищ нарком, – бросился на колени помощник, – да я вам верой и правдой столько лет служу. Какой же я шпион? Я сам везде шпионов высматриваю как сотрудник органов внутренних дел...

– Ладно, пошутил я, – сказал нарком, – иди и скажи начальному третьего отдела, чтобы организовали поиск Метёлкина и забудь об этом деле. Понял?

– Так точно, товарищ нарком, – уже спокойным голосом сказал помощник, четко щелкнул каблуками и вышел из кабинета.

– Артист, – подумал о нем Берия, – такой продаст с потрохами, как только жареный петух на колокольне закричит. А кто не продаст? А что сказал Сталин Абакумову? Вдруг он в этом деле назначен старшим оперативным начальником. Сунься и что-то не так – голову оторвут. Сунься с выяснением вопроса – тоже самое. Одна надежда на доверенного человека, что с двумя снайперами должен захватить Метелкина и переправить его на спецобъект. Как это говорят японцы? Торопица надо нету. Будешь гнать лошадей – загонишь. С Метелкиным ничего не случится, его пуля не берет, а вот кто-то рядом с ним голову сломит так это совершенно точно.

Приемная Сталина.

Звонок телефона. Трубку берет бесменный секретарь Поскребышев, говорит:

– Слушаюсь товарищ Сталин.

Встает и входит в кабинет.

– Группа снайперов во главе с полковником НКВД находится в прифронтовой зоне в готовности обеспечить действия группы СМЕРШ с лейтенантом Метелкиным. Лейтенант с группой сопровождения СМЕРШ прибыл на лесную конспиративную квартиру и готовится к применению серебряного оружия. В клинической больнице института генерала Бур-

денко проводятся анализы физического материала лейтенанта Метелкина. Персональный врач-исследователь выехал для наблюдения за лейтенантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.